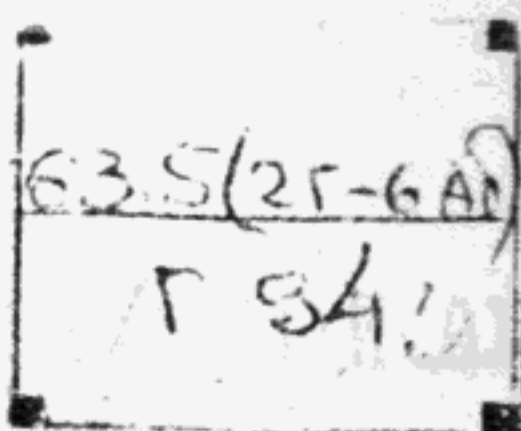

ГУЛИЯ.

БОЖЕСТВА ОХОТЫ

И ОХОТНИЧИЙ ЯЗЫК У АБХАЗОВ.

(к этнографии Абхазии.)

Издание Наркомпроса ССР Абхазии.

Сухум—Агдз.

Типо-Литография ВСНХ им. Ленина.

1926

Божества охоты и охотничий язык у абхазов.

У абхазов во все периоды их исторической жизни страсть к охоте за дикими зверями является яркой национальной чертой, отражение которой мы находим в обрядах, обычаях, в богатстве охотничьих терминов и т. п. Во время охоты абхаз забывает обо всем окружающем и всецело отдается преследованию дикого зверя. Он готов вступить в борьбу с разъяренным медведем, имея при себе только кинжал или небольшой топорик, и почти всегда выходит из борьбы победителем. При преследовании тура или серны он подвергает себя невероятным опасностям, о которых трудно составить себе представление.

Следуя по пятам их, он взбирается на горы, крутизны, пробирается через овраги, часто повисает над пропастями, ежеминутно рискуя жизнью, но ни на минуту не упускает из виду преследуемого зверя и часто настигает тура или серну в тот момент, когда, обезумев от страха и, отчаявшись в возможности спасения, они собираются броситься с крутизны в бездонную пропасть, решаясь лучше погибнуть, чем отдаться в руки охотнику. В этот момент, когда опасность достигает высшей точки напряжения, когда неверный шаг или неосторожное движение грозит гибелью, охотник-абхаз с невероятной ловкостью бросается на зверя и борьба кончается победой бесстрашного охотника.

«Приготовляясь к охоте, партия охотников одной деревни или околodka делает складчину и, купив одного козла или барана, выбирает место в лесу для жертвоприношения¹⁾. Обряд этого жертвоприношения

¹⁾ В настоящее время абхазы подобные жертвоприношения не совершают, но в отдаленных горных местах Абхазии еще встречаются охотники, которые находят, что не мешает умилоствовать бога охоты.

совершается таким же порядком, как и богу кузни, той только разницей, что тут каждый из охотников бросает лапан на уголья и просит лесного бога, чтобы он уделил ему из своих стад то, чего охотник желает». (Званбай Соломон «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии» — «Кавказ», 1855, №№ 81—82).

Главным божеством и покровителем охоты у абхазов считается *ажеи́шпаа*, *ажвелишпаа*, иногда называемый и *аірҭ*.

Абхаз, встречая охотника, направляющегося в лес на охоту, приветствует его словами „*зүҭсра аахеу үзүҭшүу!*“¹⁾, т. е. тебя ждет (дичь), смерть которой уже настала; охотник отвечает: „*еи́цназүҭшүу*“, т. е. (дичь) ждет нас обоих.

Охотнику, возвращающемуся с охоты с добычей, встречающиеся лица говорят: „*уи́рџаџ еи́хвеи́т!*“, т. е. второй раз (следующий раз) да будет лучше (больше дичи). Охотник отвечает: „*бзи́а убеи́т!*“, т. е. видеть тебе добро—здравствуй.

Ажеи́шпаа, по мнению абхазов, поручено богом стеречь дичь. Без его разрешения никто не может убить зверей. Он допускает убиение только тех зверей, которых он сам уже с'ел и оживил после. На белых зверей, по понятиям абхазов-охотников, нельзя охотиться, т. к. белые звери являются пастухами *ажеи́шпаа*²⁾, которым поручено беречь других зверей и пасти их.

Таким образом, успех охоты всецело зависит от *ажеи́шпаа*. С убитого зверя немедленно сдирают шкуру, затем мясо завертывают в ту же шкуру (*аца і́ваџшү*³⁾) и, взвалив на плечо, направляются домой. Впрочем, не уходя из лесу, на месте же, жарят сердце и легкие⁴⁾ (*агүі агуаџеі*) убитого зверя и едят.

1) Вместо русской поговорки: „ни гуся, ни пера“.

2) У сванов—*Аџсат*, Дал; у осетин—*Авсати*; у черкесов—*Мазитх*.

3) „В целой шкуре“.

4) По понятиям абхазов, мясо бесполезно (не питательно), если не с'есть сердце и легкие того-же животного.

Старший из охотников (по летам) берет упомянутые части, надевает их на вертел (шампур) — айу — (заостренную палочку) и, воздавая хвалу покровителю охоты „Ажеіц̣шаа“ говорит: „о, Ажеіц̣шаа, абна іанцаху, абрі здүц̣сулаз ідүрѡаѣ еіѣт“..., т. е. „о, Ажеіц̣шаа, сущий бог лесов, сему охотнику, жертвою которого сделалась эта дичь¹⁾, дай больше в следующий раз“...

Присутствующие произносят «аминь!» Первый кусок от жареной дичи принадлежит тому, кто убил зверя.

Куски распределяет старший охотник. Потом отіправляются домой с добычей и пением „аірї аща“, песня в честь аірї.

Если к этому месту или не далеко от этого места в лесу к охотнику в это время подойдет или встретится кто-либо, то обыкновенно и тому дается часть; если же подойдет несколько человек, тогда убивший зверя берет себе только одну переднюю ногу с шеей и головой, остальное делят пополам подошедшие.

Когда охотник с добычей возвращается домой или в свой шалаш в горах, то домашние осыпают его сухими листьями, а если будет под рукой, то и просом, говоря „удүрѡаѣ еіѣхвеіт!“, т. е. следующий раз еще больше дичи.

Когда предлагают есть дичь, раздающий говорит: „ажеіц̣шаа уірчеіт!“, т. е. ажеіц̣шаа угостил (накормил), угощаемые отвечают: „ѣала һаірчеіт“, т. е. новой (следующей) дичью (пусть) угостит (накормит) нас.

Теперь скажем здесь несколько слов относительно аірї. Если охотнику встретится кто-либо, то последний благословляет охотника такими словами: „аірї цүхаща бзіа үіцааіт!“, что значит — да даст тебе хорошую дичь аірї. Иногда „аірї“ заменяет „ажеіц̣шаа“. Но одновременно с этим мы должны сказать, что, по понятиям абхазов, „афү“ стреляет на небе во время грозы, но иногда говорят, что „аірї“ стреляет, и поют песню в

¹⁾ Стараются избегать слова „кто ее убил“, т. е. слово „убить“.

честь его, которая называется „аірї аща“ — песня аірї‘а. Здесь как будто абхазы смешивают „аірї“ с „афv“.

И в настоящее время абхазы говорят, что св. Георгий (Елвр-нуха — Илорская икона), преследуя на небе дьявола, стреляет и иногда железные стрелы его попадают в деревья, — это оттого, что дьявол стремится туда скрыться. Вообще причиной грома и молнии является св. Георгий. Так рассуждают абхазы, главным образом, жители Кодорского и Гальского уездов. А афv и аірї как будто остаются в своей силе — отдельно, а св. Георгий действует в мире — своим чередом.

Как проклинательное выражение абхазы произносят: „аф-ўсааїт“ — да ударит тебя афv, или иногда „аірї ўсааїт“ — да ударит тебя аірї. Иногда такое же проклинание включают именем св. Георгия (в Гальском, раньше Самурзаканском, уезде).

Таким образом, все эти три божества как будто сливаются. Они все способны стрелять на небе. Ажкєїц̣ьшаа тут отсутствует. Только после того, как убьют зверя, поют гимн в честь ажкєїц̣ьшаа или аірї. — здесь уже гимн в честь афv отсутствует, хотя иногда в разговоре встречается выражение „аф раща“ — гимн (песня) в честь афv, — тут уже афv понимается во множественном числе ¹⁾. Поэтому, надо думать, что тут абхазы имеют в виду и афv и аірї (св. Георгия).

На основании всего этого я прихожу к тому выводу, что абхазское божество аірї, до сих пор принимаемое за абхазского языческого бога, заменявшего афv — есть ни что иное, как измененное имя христианского святого Георгия (по-абхазски Гіарї). Если это так, то единственным подлинным и древним языческим именем абхазского бога охоты надо признавать „Ажкєїц̣ьшаа“.

¹⁾ Главным образом песнь в честь Афv поется во время грозы и проливного дождя пастухами, находящимися со своими стадами в горах или вообще в лесу, на дворе.

Иногда домашние благословляют уходящего охотника на охоту следующими словами: „абна-лѣѣха оуаит“, т. е. да милуют тебя горы,—смотря куда он отправляется в лес или в горы.

По понятиям абхазов „ажеіѣѣаа“ заранее предопределяет лицу, посвятившему себя охоте, число дичи, которое он в течение своей жизни может убить.

Как рассказывают абхазы, в горах туры самцы насутся отдельно от самок, только в определенное время года они сходятся вместе. Они (абхазы) это объясняют тем, что за этим порядком следит „ажеіѣѣаа“.

Слово „ажеіѣѣаа“ также имеет иногда вид множественности. Напр. „ажеіѣѣаа рѣѣѣѣа“, т. е. дева-девица „ажеіѣѣѣ“иевых.

По понятиям абхазов эти божественные девы удивительно красивые, волосы (косы) золотистые, у них доходят до пяток. Появляются они к некоторым, ими избранным, мужчинам, главным образом, к охотникам, но требуют от них строгого сохранения этой тайны под страхом ужасной мести.

Охотники-абхазы, и вообще абхазы, говорят, что какие бывают домашние животные, такие же животные бывают и дикие—в лесах—и такие же животные водятся и в морях.

Абхазы верят в существование дикого человека. Вот что говорят о диком человеке в сел. Адзюбжа, Кодорского уезда. Охотник Хуху Читанаа, охотясь один в дремучем лесу „Ураки“, развел огонь и жарил дичь. Вдруг в полночь из глубины леса лесной человек крикнул «Хуху!». С таким криком лесной человек, т. е. дикий человек (абѣѣѣ-оѣѣѣ) стал все приближаться к Хуху, а Хуху все время молчал. Хуху, зная, что дикий человек постарается схватить его и, что у дикого человека на груди торчат острые железные иглы (иногда говорят, что имеется на груди топор), а потому трудно с ним вступить в единоборство,

прибег к хитрости, (а не убежал от него). Снял свою бурку и накрыл пенё, валявшийся там же, а сам скрылся тут же вблизи, за дерево. Дикий человек приблизился к костру и, принимая накрытый пенё за Хуху, набросился на пенё, схватил его и прижал к своей груди, и гвозди глубоко вошли в дерево и дикий человек с шумом поднялся. В это время Хуху дал выстрел. Пуля попала в голову, и дикий человек, с ревом-криком убегая в глубь леса, кричал охотнику Хуху „шкү шкү“, т. е. дать в него сто (выстрелов). Но Хуху вслед крикнул „шкү-ірп̄соу ахү зай“, т. е. одна пуля, заменяющая сто пуль. (Утверждают, что, если бы Хуху стал еще стрелять в дикого человека, то он не умер бы, т. к. понавиная удачно первая пуля потеряла бы свое значение). Хуху все шел по следам лесного человека и где-то в глубине леса, в темноте, слышались крики его дочерей: «баба!» (папа-отец) зачем ты пошел к Хуху! Мы разве не говорили тебе, что Хуху опасный охотник, не ходи к нему?!». Как охотник убедился, лесной человек умер, так как его дочери плакали. Слышал он их голоса, а видеть их не мог. Одни говорят так, другие же передают, будто Хуху завладел семейством и добром лесного человека и т. д. Этот лесовик напоминает лесного духа у русских «лешего», вера в существование которого и поныне держится в глухих русских деревнях.

Вообще абхазы, в особенности охотники, очень метко стреляют. Они считают, что давать несколько выстрелов в какого-либо зверя не следует, считая достаточным и одного выстрела.

По мнению абхазов, если в зверя дать несколько выстрелов, он долго не упадет, будет идти, о нем говорят „ахү ақушоит“, т. е. собирает пули.

Жители села Тамыш, Кодорского уезда, рассказывают, что лесного человека видел также и односельец их, знаменитый охотник К. Б.

По словам последнего, лесной человек говорил на многих языках. Поймать его не удалось, и сам лесной царь не решился подойти к охотнику К. Б.

Охотники проводят на охоте месяца два-три, главным образом зимою, подвергая себя неописуемым опасностям в горах, без всякой выгоды для себя, так как вся убитая дичь делится между сбегавшимися на выстрел лицами и соседями, а шкуры убитых лесных животных охотники дарят дворянам, князьям и административным лицам для украшения домов (ныне охотники перестали это делать).

Дочери бога охоты Ажеицъшаа, по народным верованиям, в лесах доят самок оленей и лосей. (См. статья Дирра «Охотничий язык у кавказцев», стр. 5). Бог охоты у черкесов носит имя Мезvtha, буквально — лесной бог, ибо мезv (см. у Услара «Абхазский язык», стр. 66), по-черкесски значит лес, tha — бог».

Интересно указать на то, что заимствованная у Хеттов греками богиня охоты Артемида всегда изображалась, как и дочери бога Ажеицъшаа, в сопровождении самки оленя с охотничьим луком и стрелами. С другой стороны имя дев—дочерей бога солнца и покровительниц искусств у древних греков музы (Молхи) напоминает черкесское имя бога охоты и лесов Мезv-tha. С черкесским словом мезv — лес можно сопоставить абхазское слово а-мза — сосна — в нагорьях на известной высоте преобладают сосны (амзара); естественно было перенести имя сосны на названия леса вообще.

«У осетин божество охоты называется Авсати. Охотники-осетины ему молятся, просят его даровать из своего стада одного бедного оленя или козла и принять в жертву сырника. Если охотнику удалось застрелить зверя, он благодарит Авсати и обязательно угощает встречных и бедных одноаульцев мясом сvрд'а дичины), дарованной Авсати. Кто не исполнит этого обряда, тому Авсати никогда уже не даст возможности не только застрелить, но и издали видеть тура. Миллер. Осет. этюды. II. 244, 245).

«У черкесов мы встречаем Мезитх «божество лесов, которого молят о счастливом успехе охоты. Горцы представляют себе его едущим верхом на ка-

бане, у которого золотая щетина. По его мановению олени и лоси собираются в лесах, и тогда девишки доят самок их (Люлье. Осет. этюды, стр. 125).

Относительно тушин Дирр собрал следующие сведения:

«За дичью смотрят ангелы (ანგელოზი); их два, один мужского, другой женского пола. Когда охотник собирается на охоту, он ставит ангелу свечу и просит его уделить ему своей дичи. Убив дичь, охотник провозглашает имя ангела и когда снимает шкуру, то оставляет себе сердце, легкие и печень, остальные же внутренности он посвящает ангелу, положив их на чистый камень. Он должен обязательно отдать часть добычи своим соседям. Если несколько охотников идут на охоту, то тот, который убивает дичь, оставляет себе голову, шкуру и грудину, остальное же он делит между товарищами поровну.

Как выяснил Дирр, соседние с тушинами хевсуры и кистины имеют такие же обычаи; кистины называют покровителя дичи «ангело».

Р. Д. Эристов говорит в своей статье: «У тушин Пшаво-Хевсурского округа» (Записки К. О. И. Р. Г. О. III, стр. 127), что у хевсуров шкура убитого тура целиком принадлежит тому, кто убил его, рога жертвуются в капище, а мясо делится между охотниками поровну».

В другом месте (Извлечения из этнографич. очерков г. Урбнели о хевсурах. Зап. К. О. И. Р. Г. О. XIV, стр. 184), Эристов пишет о том, что охотники делают приношение в хати (модельню) Тетри Санеба Цромис горис, а «мекробэ», т. е. партия, отправляющаяся для нападения на врага, в целях хищничества, доставляли после набега тому же «хати» (икона) долю из отбитого и награбленного у неприятеля».

По сообщению Марра у сванов существует также бог охоты Аџсат. Это слово Марр сопоставляет с фрако-армянским Sabadzios (Σαβαζιος) и Aswat.

В Лентехах (в Сванетии) просят ცხვრის ანგელოზებს (лесного ангела) о хорошем путешествии. Слово Аңсат сваны толкуют как «проворный, наиболее ловкий», что употребляется только об охотниках. В Бечо охотники обращаются к ჯგერაგ (jgrag), т. е. к святому Георгию, но знают также Аңсата, которого называют Аңхсаң'ом. В верхней ингурской Сванетии, в Кале, его имя звучит აფხატი, в Мулахе აფხასტი (А. М. Дирр).

По словам Банира Далгата (Древн. религия чеченцев. «Терский сборник», 1893) чеченцы очень уважают одноглазого Элту. Он покровитель охотников; успех охоты всецело зависит от него. Охотник приносит ему жертву после охоты. Каждый зверь носит на ухе тавро Элты. По другой легенде Элта может превратиться в животное; один охотник видел его в форме белого оленя, стерегущего диких зверей.

Дирру удалось констатировать существование покровителя дичи также у цахурцев (в юго-восточном Дагестане). У них он называется Абдал'ом; он заботится о диких зверях, пасет и доит их; иногда он показывается охотникам в виде белого зверя или белого человека; однако, это всегда предсказывает неудачу для охотника. Впрочем, слово Абдал обозначает у них всякого богоугодного человека, всякого, отвергнувшего земные блага ради бога, и это позволяет думать, что Абдал не что иное, как искаженное абдуллаһи «раб божий». Абдал—покровитель дичи дает, однако, охотникам только то, что он предназначил на «заккет», т. е. на долю бедных.

«Сарыбашцы (Сарыбаш—селение на границе Закатальского округа и Дагестана) имеют сходное поверье. Они рассказывают о том, что один охотник видел, как какой-то человек гонял и пас туров, как стадо овец».

Из Колхиды сказание об одноглазом великане, пасущем зверей, перешло к древним грекам. Интересно сопоставить представление чеченцев об одноглазом скотопасе Элта с Циклопом, пасущем свои стада, о котором говорит IX-я песнь Одиссеи. Наибо-

лее близка к рассказам Одиссеи об одноглазом жестоком великане Циклопе мингрельская сказка об Одноглазом.

В Мингрелии существует ტყაშის მამა (ткаши мана) — тка (ტყა) — лес, мана (მამა) — царица, т. е. лесная царица. «Ее представляют красавицей, с длинными распущенными волосами, голою и легкою на ходу. Она бродит по лесам, как дух. В ее власти находится всякая дичь. Она может посылать дичь охотнику и может сделать охоту вполне неудачной. Она не имеет мужа и, встречаясь с мужчиной, требует, чтобы он разделил с нею ложе, обещая ему за это счастье во всем, и охотнику в охоте особенно. О встрече с царицей леса осчастливленный не должен никому говорить: открытие этой тайны влечет за собою полную неудачу во всем, а иногда и страшную мечь ტყაშის მამა. Тело ტყაშის მამა ночью светится бледным светом, отчего она кажется белой». (Я. Тепцов. Из быта и верований мингрелов).

В Мингрелии есть, так называемые «მეგრეზი». О них И. Т. Кобалия («Из мифической Колхиды») говорит следующее: «Само это слово непонятно, а означает божество, повелевающее всем царством животных, птиц и пресмыкающихся. От этого слова и промежуток времени от 26 октября по 3-е ноября носит название «მეგრეზობა». Местом постоянного пребывания «მეგრეზი» считается море или местность за морем... Божество это представляют в виде человека, имеющего душу и тело, так же одевающееся и размножающееся, как и простые смертные; но их никогда — не бывает слишком много — всегда не более одной обыкновенной семьи. Кроме того, они никогда не бывают ни старыми, ни молодыми. Они бессмертны.

К концу октября (28) они, оставив дома одного сторожем, берут посох, одну собаку попутчицу и расходятся попарно в разные стороны. Цель их путешествия — проверить вверенное им царство относительно годичной прибыли или убыли животных, — собрать с

него дань на зиму. «მესეფი» бывают и мужчины и женщины. Появление последних сопровождается сильными дождями, в отличие от мужчин, при появлении которых может быть... хорошая погода в знак того, что «მესეფი» прибылью доволен и не гневается... Полагают, что без помощи и разрешения этого божества охотники не в состоянии убить никакой дичи, и потому всякий неудачный выстрел приписывают нежеланию и даже противодействию «მესეფი». (А. М. Дирр. «Сборн. матер.»).

У сванов «Дал, Дали» покровительница охотников, туров и диких коз. На охоту сваны смотрят как на святое дело. Охотник-сван должен жить чисто, ни в каком случае не должен иметь сношения с посторонней женщиной; даже со своей женою он не должен иметь сношения накануне дня, в который отправляется на охоту. Сван не может также отправиться на охоту, когда в его семье или у близкого соседа у женщины появились менструации. (Д-р А. М. Дирр, «Сбор. материалов». См также у ვგბ. გაბლიანი ძველი და ახალი სვანეთი. ტფილისი. 1925 წ. გვ. 40).

Сван, отправляясь на охоту, берет воск, араку и немного муки; дойдя до места, назначенного для принесения жертвы, он печет лепешки, зажигает свечку, прилепив на зажженные уголья и на них бросает кусочки воска, берет в руки лепешку и араку и, смотря на восток, молится и просит бога, и в особенности, покровительницу дичи «Дал», чтобы она послала ему дичи. Сваны представляют ее себе женщиною, одаренной удивительной красотой и живущей на вершинах гор. Она как будто пасет туров и диких коз и без ее воли никакой охотник не может убить дичь. Таким образом, охотник приносит маленькую жертву покровительнице тур и коз «Дал» и при этом молится также покровителям гор, в которых он охотится. Добычу охотник везет домой ночью, также тайком, и не дает есть тем, которые замечены в прелюбодеянии, и женщинам, находящимся в периоде менструаций. Если с охотником на дороге в горах

встретится один или несколько человек, то обыкновенно половину добычи он уделяет им, но вне гор, т. е. по близости села, повстречавшимся с ним ничего не уделяет». (Дирр. «Сборн. матер.»).

Как существуют у абхазов охотничьи божества, так существует и особый охотничий язык.

Такой язык выдуман, как понимают абхазы, для того, чтобы во время охоты в своем разговоре в лесу не дать зверям возможности понять того, что охотники явились сюда именно за ними поохотиться. Если люди разговаривают на новом, непонятном, якобы, для зверей, языке, то звери доверяются охотникам, от них не убегают и в это время легко их убивать. Даже и охотника не называют «ашараца»¹⁾, как обыкновенно он называется, а «аџчараџ».

Правда, запретные слова бывают в ходу и в других случаях; напр., во время кормления шелковичных червей, во избежание того, чтобы мыши и муравьи не повредили червям, перестают их называть обычным именем. Мышь в это время называется «аџухуа-џузу» — долгохвост, а муравей — «аџуаџа», т. е. черный. По понятиям абхазов, во время кормления червей,

1) «Ашарацаџ» — (ашварацау) — это тот охотник, который охотится в горах — в лесу — за дикими зверями, — «абназаџ» (абназау) — тоже охотник, но он главным образом охотится за куницами и ищет дикий мед и, наконец, «алаџгаџ» (алаџгау) или «алаџгара» (алаџгара; ала — собака), т. е. выводить или водить собак. Это тоже охота, но с помощью собак. Происходит это уже в прибрежных и подгорных лесах... Какойнибудь околдовок собирается по зову инициаторов-охотников в определенном месте с охотничьими собаками и идут в лес, где один из инициаторов видел недавно следы зверей. Придя в этот лес, охотники собирают по кусочку от своих вещей — одежд и, положив их в одном месте, жгут; в это время охотники переходят через этот огонек и, этим, якобы, очищают себя от дурных глаз и от плохих ног (человек с плохой ногой приблизительно тоже, что человек с дурным глазом), затем делается облава.

За время отсутствия охотников, главным образом, ашарацаџ (ашварацау) и абназаџ (абназау) — домашние стараются быть спокойны, не волноваться, не браниться, не вспоминать отсутствующего охотника, если можно, даже не говорить ни кому — куда он ушел, зачем отсутствует и т. д. (Сообщ. жит. Кодорского уезда (Абхазия) М. Гадлия).

если муравьев будут называть, они тут и появятся. Также летом, чтобы не видеть змеи, перестают называть ее обычным «амаџ» (змея), а именно «абаза»¹⁾, т. е. ползучая. Иногда волков называют «абна ілзааша», т. е. животное, которое должно исчезнуть из лесу и т. д.

У абхазов существуют и запретные дни. Кто занимается скотоводством — по понедельникам и четвергам, из дому ничего не выносит, и из кармана ничего не вынимает и никому ничего не дает; некоторые даже сору из дому не выметают (хотя в последнее время перестают этот запрет соблюдать) и за деньги ничего не продают, боясь, что, если они это нарушат, волк нападет на их скот.

Кроме того, каждая фамилия, иногда каждый дым имеет свой запретный день, иногда даже в неделю 2 или 3 дня.

Запретные дни у абхазов существуют с незапамятных времен. Повидимому, раньше воздержание от работы в подобные дни соблюдали скотоводы и кузнецы, вообще имевшие какое-либо отношение к скотоводству и кузням: у скотоводов запретными днями считались и считаются, как мы уже сказали, два дня в неделю: понедельник и четверг, а у кузнецов запретные дни бывают различные. Это передается из рода в род по наследству. Затем появляются и другие запретные дни в честь разных богов. Главным образом, эти искусственные праздничные дни создаются абхазами, когда у них кто-либо заболит сильно. Больные, не ожидая ни от кого медицинской помощи (абхазы недавно познакомились с научной медициной), давали обещание, по указке знахаря или знахарки, разным божествам учредить запретный день или принести в жертву какое-либо животное, а в последнее время многие дают обет босым пойти до местонахождения какой-либо иконы или священной горы с условием, если больной поправится. В семье, где много

¹⁾ О мерах, принимаемых абхазами, для того, чтобы змеи не вползали во двор, см. книгу Д. Гулия „История Абхазии“, т. I. Тифлис, 1925, стр. 177

душ, могли сильно заболеть в разное время несколько лиц и потому приходилось обещать божествам несколько запретных дней,—потому-то и увеличивалось число запретных дней у абхазов. В настоящее время эти запретные дни начинают терять свое значение.

Относительно запретных дней у абхазов сложилась такая легенда. У одной женщины было в неделю шесть запретных дней. Однажды, проходя с мужем через мчащуюся бурным потоком речку по узкому и опасному мостику, эта женщина, убоившись, как бы не сорваться с моста, дала обещание, что если она благополучно пройдет через этот опасный мостик, то она и единственный седьмой незапретный, т. е. не рабочий день в неделю, сделает запретным, таким образом сделает все дни в неделе для себя днями нерабочими.

Муж услышал это и, видя, что они благополучно уже переправляются, но за то жена, по обещанию своему не будет уже никогда в жизни работать, толкнул ее в речку...

Бывают у абхазов и запретные имена для некоторых членов семьи: жена не называет по имени мужа, брата мужа и сестры его, а также отца и матери мужа и некоторых других.

Далее мы укажем особые слова, употребляемые во время охоты, какие нам удалось собрать.

Охотничья терминология у гудаутцев (в Абхазии):

Охотн. язык	Обыкн. соврем. абх. язык	По русски
1. Алахач	амца	огонь
2. Ацаж	абусџа	мамалыга
3. Ақуџа	ачуан	котел
4. Азлаба	аџука	соль—букв. то, что воду всасывает.
5. Цаџшдџ	амра	солнце—букв. горячее-красное поле (?)

6.	Цха	амза	луна
7.	Шшаш	аеца	звезда
8.	Шапаа	ачев	лошадь — (безногая (?) «ногастая»)
	Шаніда		
9.	Амһау-дү	ачада	осел (длинно-ухий)
10.	Амд	азк	вода
11.	Ашарһахага	аімаа	чувяк (отепл ногу)
12.	Ашахаха	амата	одежда
13.	Ацлаш	агур	иголка (темное дно)
14.	Охлабагач	аһһүзба	девица
15.	Орха	арахуц	нитка
16.	Охлаба	аһһүс	женщина
17.	Хаба	ацха	мед (ср. ахаа — сладкий)
18.	Шлаба	ахүрцү	кислое молоко
19.	Аорһа	амһай	ложка
	(ачешіга)		
20.	Азач	айта	баран (холощенный)
21.	Кеѿ	айма	коза
22.	Маза	ала	собака (букв. «тайный») X
23.	Абага	аіха	топор X X
24.	Аһаһца	ауана	бурка
25.	Аһабау	аһа	свинья (ср. лат. porcus)
26.	Азаһа	абһар	оружие
27.	Ацүргага	алаба	палка
28.	Дамага	амш	медведь
29.	Ацүмш	аіһабү	старший
30.	Аміасқа	ачаауа	кружка (дерев.)
			Ср. русск. миска
31.	Ачага	аһүзба	нож (букв. резак, чем едят)
32.	Ахааба	ацха	мед («то, что сладко»)
33.	Һабуау	абүһа	кабан (длинноклык)
34.	Агуач	аіцбү	младший
35.	Свеізаһүіт	сеіхсүіт	стрелял (в)
36.	Ахрүһага	ахүрцүа	башлык (отепляющий голову)
37.	Кулі-члі?	күуфама	что-нибудь кушал?
38.	Амаза	ала	собака (тайный, секретный) X
39.	Ахүһшқа	ацүб	куница (букв. мягко- шерстная)
40.	Ауабага	аіха	топор

41. Аѣуѣу-ѣуѣѣа	{ аамусѣа аѣауаѣ	князь, дворянин (букв. мяг- кошнѣй, мягкотелѣная)
42. Агугѣра	аѣну	лом (выпуклѣй)
43. Аѣаѣа	аѣабусѣа	косуля (сухокровѣ, сухая кровѣ)
44. Абѣараѣ	аѣѣараѣаѣ	охотник *)

1) Если строго разобрать даже некоторые современные абхазские слова, напр.: амца — огонь; амшун — море; амза — луна; амра — солнце; амш — день; — можно притти к заключению, что эти и подобные им слова являются, повидимому, словами запретными — буквальный смысл этих слов противоположен действительному их значению.

Так, напр., слово а-м-ца (огонь) состоит из префикса „а“, отрицательной частицы „м“ и сокращенного слова „аца“, — в данном случае выражающего понятие — „горячий“. Таким образом, это слово буквально можно перевести с абхазского на русский язык — негорячий („негоряч“). а-м-шв-н (море). В этом слове буква „а“ префикс, „м“ отрицание, „шв“ от сокращен. слова ашв — горячий, кипящий, бурлящий, а значение суффикса „н“ не совсем ясно для меня, хотя в абх. языке „н“ означает определенное место или пространство, а „нв“ — названия стран, напр.: Аѣс-нв (Абхазия), ѣа-нв (Сванетия), Агвр-нв (Мингрелия), Заху нв (Черкесия), и т. д. Затем, „н“ служит также окончанием прошедшего неопределенного времени и т. д. Таким образом, слово амшун — море можно перевести буквально — не кипящее, не бурлящее пространство. А-мз-а — луна: „а“ преф., „м“ отрицание, „за“ или „аза“ прозрачный (напр. вода), таким образом получается слово не прозрачна (не блестящая). А-мр-а — солнце: „а“ преф., „м“ отриц. частица, а значение „ра“ для меня не совсем понятно, — но сравнивая это слово с египетским богом солнца Ра, получаем такой перевод — не (бог солнца) Ра. Правда, иногда „Ра“ является показателем собирательного значения слова, напр., аѣ — дуб, аѣра — дубрава, ал — ольха, ал-ра — ольховая роща и т. д. А-м-ш (день): „а“ преф., „м“ отрицат. частица, „ш“ сокращен. от слова „ашв“ (горячий, кипящий). Таким образом это слово можно буквально перевести не горячий, не кипящий. Если допустить, что это слово от аланара — свет, или алаша — светлый, тогда получится — не светлый. Если же исходить от слова ашара — светать, то получим — не рассветакший (день).

Встречаются также и такие слова, напр., «абаа» буквально значит гнилой, гниль. Но этим же словом называется крепость, каменная стена, каменная постройка. Таким образом, абаа — крепость, в переводе с абхазского значит гнилой, разрушающийся, не крепкий.

Акуада — буквально значит слабый, — наприм.: акакан куада — слабый, легко ломаемый орех. На самом же деле акакан куада значит крепкий, трудно ломаемый орех.

Амшмухула — затмение солнца, — буквально значит не вечерю-

Как можно полагать, в Абхазии, в каждом уезде, охотники имеют свои особые охотничьи слова, так как от разных лиц мы слышали названия некоторых животных и предметов разные, напр., в Гумистинском уезде в ходу такие охотничьи термины:

1. Ацац̣ьш	амца	огонь (красно-зерно)
		горяче-красное
2. Шапак	амш	медведь (толстоногий)

ший день (амш — день, ахулара — вечереть, а между этими словами инфикс „м“ является отриц. частицей).

Амһара (амаһара) — домик для новобрачных, — буквально — неслышание. Назначение такой постройки заключалось в том, чтобы обеспечить новобрачных от назойливого подслушивания разных лиц, подруг, вообще молодых людей. Итак, «аһара» — слышать, а «амһара» или «амаһара» — неслышание и т. д.

Вместе с тем я считаю нужным здесь указать значение буквы „м“ в абхазском языке. Буква „м“ в абх. языке имеет значение отрицания, подобно тому, как в древне египетском (в 12 местах текстов пирамид), — отрицательная частица „ма“ в языках Абиссинии: сомали, афар и сахо (сабо). Также в языке галла (см. книгу Д. Гулия „История Абхазии“ стр. 313) и наконец, в турецком языке. Она в аористе, настоящих и будущих временах ставится на конце, а для других времен — внутри глагольных форм, в повелит. ставится в середине, а на конце и. При всем этом, в отношении к расположению и господствует большое своеволие.

Все это дает мне возможность думать, что охотничья терминология, избегая общеупотребительных названий, дает описание предметов или же указывает характерную особенность их. Напр., солнце — горяче-красное поле, лошадь — ногастая, осел — длинно-ухий, иголка — темное дно, нож — чем едят, туница — мягко-шерстная и т. д.

В современном же абх. языке, как мне удалось установить, не мало слов, которые надо понимать путем противопоставления понятий обратного значения (см. выше). А в последних двух примерах: „абаа“ — гнилой (ая, ое) — крепость и „акуада“ — слабый, в то же время и крепкий, можно полагать, что здесь имеет место, как бы, ирония, цель которой — уточнить значение некоторых слов путем противопоставления обратных понятий. Таким образом, эти слова: абаа и акуада надо понимать так: „абаа“ — крепость (гнилой, ая, ое) — вот так гниль, вот так не крепкая постройка! Слова „акакан-куада“ — крепкий орех, в буквальном переводе — слабый орех — это не твердое, попробуй, заскусить и т. д.

Выдвинутый мною вопрос — пока еще никем не разработан и не исследован. Возможно, что подробное исследование слов, противоречащих своей комбинацией префикса и инфикса прямому представлению о вещи откроет что-либо особенное, новое и интересное для лингвистики в абхазском языке.

3.	Шаџаџа	ачев	лошадь (широконогая, широконопытная)
4.	Иџуаџ	абџџа	кабан («длинный клык»)
5.	Амџі	азџ	вода (по-айсорски мия— вода)
6.	Амџірџџа ахаџа і-репџ	(арџра— бросить)	выбрасыватель амџі=воды = мужской репџ
7.	Азаџ	аџаџ	ружье
8.	Ашербага	аімаа	чувык (прибл. сушитель ног)
9.	Ѣеіџлаџ	агур	иголка (темнота, темное место)
10.	Ашлабагуал	аџ	сыр и др. ¹⁾

Повидимому, приведенные охотничьи термины являются иносказателями, имеющими целью, как мы сказали выше, избежать произнесения настоящих названий, что может спугнуть дичь.

Этимология всех этих охотничьих слов, по моему мнению, чисто абхазская, если некоторые из них не поддаются пониманию и толкованию, то это я склонен об'яснить древностью корней, производными от которых они являются.

Однако, из 54 приводимых здесь слов 25 можно об'яснять, как указано выше (см. об'яснения в скобках при соответствующих терминах). Во всяком случае охотничьи слова представляют большой интерес как для этнографии, так и для лингвистики ²⁾.

¹⁾ Несколько примеров из абхазского охотничьего языка за „Сборн. матеріалов“ А. М. Дирр.

²⁾ Доклад о „Бож. охоты и охотн. яз.“ мною был сделан на Краеведч. Съезде Черном. побережья и Зап. Кавказа в г. Батуме, в 1